
РЕЦЕНЗИИ

© 2005 Е.И. Салов

Отзыв на книгу К.К. Хутыза «Охота у адыгов»

Аннотация:

Хутыз Ким Кансаевич, 1935 года рождения, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Адыгея, с 1985 г. по 1995 г. – ректор Адыгейского государственного университета, профессор кафедры истории АГУ.

Опубликованы две книги Хутыза К. К. общим объемом 22,5 печатных листа, 568 стр., тиражом 2000 экземпляров. Книги написаны на ценном и богатом историческом материале, являются первым научным исследованием на Юге России, посвященным возрождению и совершенствованию природоохранных традиций в современный период. Велико и практическое значение результатов исследования. Положения и выводы автора использованы в республике при разработке и реализации целевых программ и проектов по консолидации населения в решении проблем охраны окружающей среды и экологической безопасности.

Аннотация к книге – 1:

Книга посвящена изучению истории охоты у адыгов, проблеме многогранной и малоисследованной. Автор показал высокую актуальность, непреходящую злободневность и природную чистоту этого явления в повседневных занятиях горцев, а также и его феноменальные последствия для формирования «кавказской ментальности», генетического кода у кавказцев различных, но типологически близких корней. Автор впервые ставит перед читателем глобальную проблему судьбоносной экологической гармонии человека и окружающего его мира на примере природных богатств исторической родины адыгов.

Книга может быть использована преподавателями истории, для чтения спецкурсов на историческом и естественном факультетах вузов. Она будет полезна студентам и учащимся при изучении истории родного края и широкому кругу читателей, интересующихся историей горцев Северного Кавказа.

Аннотация к книге – 2:

Проблема сохранения природы и её дикого животного мира сегодня особенно злободневна. Важное значение приобретает экологическое воспитание населения, особенно молодежи. Внимание ученых к проблеме взаимоотношения человека и дикой природы, природоохранных традиций народов Северного Кавказа в прошлом приобретает ныне особую значимость.

Книга состоит из эколого-исторических очерков о диких животных, обитающих на Северном Кавказе. Любознательный читатель сможет найти здесь все об условиях их обитания и распространения, образе жизни и повадках, о видах охоты на них и мерах по охране и защите животных: познакомиться с пословицами и поговорками адыгов, посвященными охоте и дикому животному миру.

В последней главе автор рассказывает читателям о своих друзьях-охотниках, страстных любителях и защитниках природы.

Книга может быть использована при изучении исторических и естественно-научных дисциплин, будет полезна студентам и учащимся, а также широкому кругу читателей, интересующихся дикими животными.

Ключевые слова:

Глобальные проблемы экологической гармонии человека и окружающего его мира, сохранение природы и её дикого животного мира, традиции и обычаи горцев по экологическому воспитанию населения.

Выходные данные книг Хутыза К.К.

Хутыз К. К. «Охота у адыгов» (Эколого-этнографический аспект) – Книга I – Майкоп, 2001 г.

Хутыз К. К. «Охота у адыгов» (Дикий животный мир) – Книга II – Майкоп, 2004 г.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭМА

I

Недавно увидела свет вторая книга доктора исторических наук К.К.Хутыза «Охота у адыгов». Первая, она вышла четыре года назад, имела определенно выраженную эколого-этнографическую направленность. Новая, сохраняя заданный раньше вектор исследования, развивает еще один аспект. Ее автор устремляет взгляд на своеобразии дикого животного мира на Кавказе, его отражение в экологической культуре местного населения, рассматривает отношение людей к живой природе через эколого-историческую призму.

Две книги органично связаны единой темой, информативно насыщены, хорошо структурированы по форме. И отличаются не только обширностью привлеченного к исследованию материала, но и ярко выраженной личностной позицией автора. Это превращает книгу не просто в энциклопедию разнообразных эколого-исторических знаний, полезных профессионалам и любителям, но и в увлекательную поэму – своеобразный гимн красоте и жизнеутверждающей силе родной природы, предупреждающая одновременно о ее уязвимости перед стихией растущей технической мощи.

Как точно подметил в предисловии к первой книге доктор исторических наук В.П.Виноградов, автор «Охоты...» поднимает и в полный рост ставит перед читателями глобальную проблему судьбоносной экологической гармонии человека и окружающего его мира на примере природных богатств исторической родины, много претерпевшей от людского ненасытного и бездушного стремления к прогрессу. Замечание принципиально значимое. Тем более, что в последнее время предпринимаются небезобидные попытки проводить идеи глобальной технофилии под видом эволюционной неизбежности технетизации мира: не только человеческого социума, но и природы как таковой. Незаметно, на первый взгляд, авторы технократической парадигмы отбрасывают идеи гуманизма и гармонизации связей минерального, живого и разумного царств в единой социоприродной системе на периферию научного и обыденного сознания. Верное в принципе обобщение философов науки и техники, что при некотором уровне развития техноценозы (сложные системы технических устройств, представляющие некоторую целостность и единство), могут выходить из-под человеческого контроля и действовать независимо от воли людей (локальные аварии и катастрофы типа Чернобыльской – примеры такого рода), доводится до масштабов универсально-эволюционных. Отсюда следует далеко идущий вывод: человек и человечество лишь преходящее звено эволюции, которое сменит самодостаточный мир техники. Человек, как и жизнь вообще, окажется лишним в будущем социуме самовоспроизводящихся машин. По такой логике, забота об экологическом благополучии планеты, о защите живых видов и биосферы как среды их обитания, представляется занятием бесперспективным. Но вряд ли найдется много из нормально мыслящих и чувствующих людей, кто готов безвольно принять такое будущее? Конечно же, нет. Разум, данный жизни в ходе геокосмической эволюции, нормы нравственности, сформулированные в заповедях мировых религий, запечатленные в неписанных народных кодексах чести, спасали и спасают человека и человечество от

инерции стихийного, самогубительного потребительства. Одна из его глобальных сторон сегодня – природоразрушительный рост экологически опасных видов техники и технологий. Альтернатива ему – экологическое мышление и экологическая цивилизация.

Книга К.К.Хутыза как раз об историческом опыте иной, взаимосберегающей связи людей и живой природы. Неслучайно В.П.Виноградов определил ее жанр как «своеобразную прозаическую историко-этнографическую поэму». Уважая его характеристику, замечу все же, что автор «Охоты...» выходит за пределы истории и этнографии собственного народа, а представляет, по меткому замечанию того же профессора Виноградова, энциклопедический труд об адыгейской охоте в широком (не только общекавказском, а, сказал бы, и в евразийском) историко-культурном контексте. В таком смысле возможно говорить о книге К.К.Хутыза как об экологической поэме, посвященной природе и людям Кавказа – этого солнечного сплетения Евразии, по образному выражению Ю.А.Жданова.

II

Говоря об условиях, в которых формировалась местная охотничья культура, автор подчеркивает важную роль единой географической среды, где возник и до сих пор бытует этот своеобразный социоприродный феномен. Такое понимание социокультурной роли природного фактора, его влияния на характер цивилизации восходит к традиции, связанной в зарубежной науке с именем Ш.Монтескье, а в отечественной – Л.И.Мечникова и В.О.Ключевского. Они применяли в своих работах специальный метод – исследование истории с географической точки зрения. Автор «Охоты...» также использует его, подчеркивая, что не только своеобразие местной культуры, вызванное здешними природными особенностями, влияющими на складывание кавказского типа человека, но и, что является принципиально новым в средо-географическом подходе, отмечает роль единой географической среды в формировании общих элементов региональной кавказской культуры и связанных с нею евразийских территорий. Автор приводит слова классика кавказоведения – археолога Е.И.Крупнова о том, что с древности Северный Кавказ был «одной из культурных областей нашей Родины, жившей своей естественной созидательной жизнью не в отрыве от достижений более передовой культуры тех времен, а в живой органической связи с ней и в непосредственном общении с соседними очагами древнего культурного мира». Обращаясь на страницах своей книги к его эпохе, автор, при всем интересе к древности, не ставит такое внимание самоцелью, а видит в свете исторического опыта «мир будущий в руках человеческой культуры, основанный на совместном гармоническом развитии природы и общества». Речь, таким образом, идет о пути соразвития природы, человека и общества.

Такая взаимодополняющая связь называется коэволюцией. И считается пока не достигнутым идеалом отношений общества и природы. Однако, в верхнепалеолитической, охотничье-собираательской древности социоприродная коэволюция уже имела место и продолжалась гораздо дольше, чем последующая «некоэволюционная» связь людей и природы. Так считает,

например, известный отечественный философ и эколог А.Д.Урсул. В книге о ноосферной стратегии для России он, говоря о различии понятий коэволюция и ноосфера (геосфера разума, по В.И.Вернадскому), пишет, что коэволюция, или развитие общества и биосферы при их взаимном сохранении, характерна и для значительной части палеолита, когда ноосферы еще не было. И называет ее стихийной, «первичной» коэволюцией. В отличие от нее ноосфера, по Урсулу, будущее состояние общества и природы, когда коэволюционные отношения обеспечит разумное управление.

На мой взгляд, приуменьшать уровень ноосферности в верхнем палеолите, когда появились люди современного типа – *Homo sapiens*, или кроманьонцы, не вполне справедливо. Потенциально их мозг мало отличался от современного. А в содержательно-информационном наполнении, уступая научно-техническим знаниям живущих ныне людей, превосходил их в знании жизни природы, в органичном соответствии действий в труде, обычаях и обрядах закономерным связям природного цикла. Характер коллективных форм воспроизводства социоприродной жизни, признание религиозно-мистического родства людей и животных, выражавшееся в тотемных верованиях (род Медведя, род Волка, род Тура, род Орла, род Форели и т.п.), ограничивали потребление природного продукта уровнем разумной достаточности. И обеспечивали продолжительно долгое, а практически бесконечное, функционирование древнего этноса в охотничье-собирательской экологической нише. Следовательно, эта коэволюция носила черты вполне разумной организации, облагороженной неписанными нормами коллективно-родовой нравственности. Что и позволяет говорить о древней ноосфере, гораздо более реальной исторически, чем ноосфера будущего, имеющая по преимуществу идеально-утопический характер. Стремление к ней почти не выходит за пределы кабинетов ученых. И поддерживается, в лучшем случае, группами самодеятельных энтузиастов. Тогда, как в далекой древности ноосфера как тождество социоприродной коэволюции была способом разумной и нравственной самореализации древних людей на территории их обитания. Примечательно, что в собственно адыгейских родовых фамилиях, прошедших сквозь исторические сети арабизированных форм, сохранилось прямое указание на существование древнейшей тотемистической традиции (тотем – его род), указывающей на исторически давнюю веру в родство с миром дикой природы. «Люди, – пишет К.К.Хуыз, – не отделяли себя от всего живого. Животные, как и человек, мыслились как существа, наделенные «духом», способностью дышать. Люди думали, что звери их слышат и понимают».

В те времена, полагает ученый, животный мир в представлении человека олицетворял величие и силу природы: зверь бегал быстрее, чем человек, громче рычал, мог убить человека, птицы умели летать, а человек нет, зверь жил в ущельях, в недоступных человеку местах, в непроходимой глуши. Человек обожествлял животных, наделял их сверхъестественной силой. Такое представление о мире диких животных ограничивало потребительские инстинкты древнего человека. «Первобытные охотники, – пишет автор книги, – добывали зверя столько, сколько было необходимо для еды... Человек не выделялся из природы, не властвовал над животными, а

существовал с ними». Этот стержневой вывод исследователя дает ключ к его эколого-исторической концепции охоты не как способа истребления диких животных, а как формы драматического состязания живой и разумной природы, ограниченного биологической потребностью поддержания социальной жизни. Речь идет, в моем представлении, не о современной охоте, когда зверь оказывается бессильным, а точнее – обреченным, перед нарезным дальнобойным и скорострельным оружием с оптикой, утраивающей возможности спортсмена-любителя и промысловика-профессионала, обеспеченных, к тому же, высокопроходимыми транспортными средствами, вплоть до авиационных. Разговор прежде всего об охоте в ее историческом измерении.

Скажу больше, ссылки на обилие костей диких млекопитающих на Ильской палеолитической стоянке, классифицируемых по видовому составу известным исследователем древней фауны Н.К.Верещагиным, как и на Баракаевской пещерной стоянке, обычные в литературе о древних охотах, возможно, вообще не имеют отношения к этому виду добычи. Что и подтверждает тезис К.К.Хуызга о щадящем характере отношения к природе. Дело в том, что эти стоянки относятся к среднепалеолитическому времени, когда на Кавказе, как и на других землях Евразии, жили неандертальцы – вид древних людей, предшествующих неантропам-кроманьонцам. А выдающийся отечественный исследователь эпохи появления человека разумного Б.Ф.Поршнева, чья книга, необычно смелая для моноидеологического времени, «О начале человеческой истории», вышла в 1974 году, доказательно считал, что никакой охоты, в том числе и загонной, в неандертальское и предшествующее ему время не было. Люди добывали мясную пищу, находя животных, погибших от стихии – во время паводков, обвалов, схода снежных лавин, землетрясений. Похоже, что Поршнева был прав. Назначение каменных орудий на тех стоянках не охотничье-добывающее, а разделятельно-дробящее. Это рубила для разбивания костей, чтобы добыть мозг, кремневые скребла, чтобы собрать мясо-жировую ткань и т.д. На известных неандертальских стоянках встречаемся, как бы это не шокировало нас, со школьных уроков истории уверовавших в древнейший азарт, силу и риск загонной коллективной охоты, с следствиями первобытной некрофагии, а не истребительного охотничьего промысла.

Иное дело, верхний палеолит и его венец – кроманьонцы – разумные люди – изобретатели копья и копьеметалки, гарпуна, бола, бумеранга и, наконец, лука со стрелами. Вот тогда и началась охота в собственном смысле слова.

Разумеется, версия Б.Ф.Поршнева не догма, но отличается стройностью и системностью эколого-исторических доказательств. Тогда как инерционистская модель истребительной загонной охоты, по Верещагину, исходит из обоснования экологической ниши неандертальцев их разумностью и признает охотничье предназначение их кремневой техники. Но первое опровергнуто работой Поршнева, а второе оказалось, в ее свете, лишь типологическим рядом инстинктивного производства орудий, ориентированных на переработку того, что дала природная стихия, а не добыто сознательной организацией. Вывод Поршнева замолчали за прошедшие 30 лет, но никогда не опровергали. А это дорогого стоит.

В свете поршнеговой версии вывод К.К.Хутыза о нормативном природопользовании у древних кавказских охотников получает еще большую убедительность. На кроманьонских стоянках, в отличие от неандертальских, число остатков особей диких животных уменьшается. И это при том, что теперь человек располагал действительно охотничьим оружием. Ответ на вопрос вижу в том, что с появлением и ростом сознательного орудийного совершенства складывалась и воспроизводилась нормативная база направляемого родом социально-нравственного поведения. Она и обеспечивала сохранность эколого-культурной среды обитания. Надо учесть также, что временная продолжительность кроманьонских стоянок меньше неандертальских. Человек стал мобильнее и скопления остатков его деятельности стали менее мощными.

К тому же времени относится небывалой мощи духовный прорыв: возникло палеолитическое изобразительное искусство: пещерная и наскальная живопись, появились первые скульптурные изображения. Современный философ культуры А.С.Арсеньев полагает, что по степени выражения органичной связи человека с миром природы палеолитическое искусство остается недостижимым духовно-эстетическим образцом социоприродной гармонии.

III

В контексте такого подхода значительный интерес представляет предложенная К.К.Хутызом эколого-историческая версия геральдического знака: трех скрещенных стрел на государственном флаге Республики Адыгея. Во второй книге «Охоты...» он, соглашаясь с тем, что символ из трех скрещенных стрел в разные времена нес разную смысловую нагрузку, ставит вопросы, на которые не отвечают другие версии. Например, те, что связывают этот символ со стрелами нартского кузнеца Тлепша, с геральдикой хеттов или с графическим изображением субэтнического единства. Автор «Охоты...» полагает, что три перекрещенные стрелы представляют природоохранный экологический знак.

Почему стрел только три, а не больше и не меньше? Что явилось их первичной основой? Задаст он вопросы. И считает, что ответы на них надо искать в более глубокой древности, чем хеттская или нартская. В индоевропейской традиции, наследовавшей представления древних о структуре природного космоса, животный мир подразделялся на три специфических области: «Средний мир», «Верхний мир», «Нижний мир». К среднему относились «животные богов» – овцы, олени, лани, коровы, лошади, верблюды, медведи. Трем мирам животных соответствовали и три стрелы. На охоту каждый охотник мог взять именно столько стрел. Старинное предание подтверждает авторскую версию. К.К.Хутыз услышал его от охотника Накара, который рассказывал, что с давних пор разрешалось брать на охоту три стрелы. «Одной охотник мог подстрелить одного бегущего зверя (к примеру, оленя, козу или тура), второй – одного летающего (фазана или дрофу), третьей – одного плавающего (гуся или утку)». Интересно, замечает он, что то же предание сохранилось у зарубежных адыгов. Рассказ Руата Шебзуха, проживающего в Турции, записанный историком М.Джандар из Майкопа, в точности повторяет рассказ

Накара. Таким образом, три стрелы означают символ ограничения охотничьей добычи разумной потребностью выживания собственного рода и возможностью выжить другим видам живой природы. Вот почему, считает К.К.Хутыз, с полной уверенностью можно сделать вывод, что три стрелы обозначали первоначально экологический природоохранный знак.

В «Охоте...» упомянуты и другие экологические традиции. «Каждый мужчина, уходя по весне в лес, брал с собою два-три черенка из лучших сортов садовых деревьев, чтобы привить их к дикому сородичу». Так народный обычай создал нравственные, природопознавательные и технологические предпосылки для формирования знаменитых черкесских садов. Другой природовосстанавливающей традицией была норма, согласно которой в доме не будет благополучия и счастья, если семья не посадит столько деревьев, сколько срублено для его постройки.

IV

Энциклопедически наполненные знаниями о животном мире, истории и кодексе охоты, эмоционально-яркие по форме книги К.К.Хутыза логически завершаются очерками о его друзьях и спутниках по охотничьим тропам. Они собраны в разделе «Охота в лицах». Среди них крупный организатор производства, Герой Социалистического Труда Николай Иванович Остапенко, ветеран правоохранительных органов Адыгеи Азмет Кансаевич Хутыз, заслуженный работник культуры России, известный журналист, многолетний редактор областной газеты «Адыгейская правда» и председатель Союза журналистов Адыгеи Христофор Ардавасович Баладжиян, ветеран Великой Отечественной войны, кавалер боевых наград Михаил Васильевич Козырев, профессиональный охотовед Александр Васильевич Лузин, художник Феликс Муратович Петуващ, заслуженный врач России, доктор медицинских наук Аслан Хангиреевич Агиров и другие земляки. Разные по своей профессиональной и даже, в соответствии с линией времени, партийной принадлежности, они похожи в живом интересе к природе и спортивной увлеченности охотой – древним занятием сильных и мужественных людей. Лица «Охоты» тем разнообразнее, чем занимательнее их рассказы о самом забавном случае в охотничьей биографии. Автор книги нашел удачный, увлекающий читателя ход, предоставив слово самим героям очерков. Все охотничьи истории увлекают. Но особенно запомнился рассказ Х.А.Баладжияна о гусиной охоте. Бесхитростный по форме, он впечатляет точными деталями, которые собственно и представляют в своей связи трудную романтику охотничьих удач или невезения...

Да и сами книги К.К.Хутыза представляют собой своеобразную романтическую историю охоты от каменного века до наших дней. Тем более убедительную, что она рассказана не только бывалым охотником, но и ученым-историком.

Уверен, что двум книгам «Охоты», написанным Кимом Кансаевичем Хутызом, не суждено залеживаться на книжных полках. Так бывает, когда автору удается соединить в литературном слове зов души и научный профессионализм.

